

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ СТРАН НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И КИТАЯ

М.М. БАЛАНОВА, аспирант кафедры мировой экономики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
e-mail: milena_27@list.ru

Аннотация

В статье определяются меры акселерации цифровизации экономики как нового фактора стимулирования экономического роста страны. На примере России и Китая произведён анализ взаимосвязи между уровнем цифровизации экономики стран и их: а) инновационным и предпринимательским потенциалами; б) контролем цифрового бизнеса и Интернета в целом путем ведения регуляторной политики со стороны правительства государств. В работе также определяются факторы акселерации цифровизации экономики.

Ключевые слова: цифровизация, экономический рост, инновации, предпринимательство, Китай, Россия.

DOI: 10.31429/2224042X_2021_62_83

Экономическая повестка многих стран сегодня содержит новости, посвященные цифровизации государственных институтов и созданию «государства как платформы». Обсуждаются процессы в промышленности и бизнесе, вызывающие массовое применение новых бизнес-моделей, а именно платформенной бизнес-модели и бизнес-модели с внедрением Интернета вещей [38]. Актуальность развития цифровой экономики подтверждается словами руководителя направления информационных технологий и цифровизации Центра хранения и анализа больших данных Национального центра цифровой экономики МГУ А. Бирюкова: «Цифровизация действительно может стать драйвером экономического роста... и государству нужно помочь в этом путем снятия регуляторных, инфраструктурных и институциональных барьеров» [18]. При этом для своего развития она требует надлежащего состояния исходной, аналоговой экономики, готовой к цифровизации с точки зрения ресурсов и инфраструктуры [2].

Данная работа представляет собой качественное исследование с использованием метода синтеза, кейс-метода (экономика и политика Китая и России), качественного сравнения и статистического анализа данных. Работа Р. Бухта и Р. Хикса, а также «Дорожная карта формирования системы измерения цифровой экономики» ОЭСР послужили теоретической подводкой. Материалом для аналитической части исследования стали ежегодные отчёты трёх рейтингов стран мира по уровню индексов, а именно *Глобального инновационного индекса (ГИИ)*, *Рейтинга глобальной цифровой конкурентоспособности стран мира (РГЦП)* и *Глобального индекса предпринимательства (ГИП)*, а также данные по странам, ежегодно публикуемые Международным валютным фондом (МВФ). Материалом для анализа программных инициатив и политики анализируемых стран послужили первоисточники проектов, инициатив и законов, статьи отечественных и зарубежных новостных сайтов, газет и обзорные статьи бизнес-блогов.

Поднимая вопрос о влиянии цифровизации экономики на экономический рост государств, а также факторах акселерации цифровизации, целесообразно дать определение цифровой экономике. Согласно ОЭСР, под цифровой экономикой понимаются «все виды экономической деятельности, зависящие от использования цифровых технологий, цифровой инфраструктуры, цифровых услуг и данных, либо в значительной степени усиливающиеся за счет такого использования» [27]. Ввиду её многоуровневой природы необходимо отметить, что в рамках данной статьи цифровая экономика, согласно Р. Бухту и Р. Хиксу, включает цифровой (ИТ/ИКТ) сектор, цифровую и цифровизированную экономику [3].

1. Взаимосвязь между уровнем цифровизации экономики и уровнем инновационного и предпринимательского потенциалов

Одна из задач данной статьи — проанализировать состояние цифровизации экономик России и Китая и обосновать причины, по которым Китай является лидером цифровизации, в то время как Россия только стремится к тенденции цифровизации экономики, производства и бизнеса. Основной подход, выбранный для подтверждения гипотез, — анализ показателей России и Китая в нескольких рейтингах по уровню инновационного и предпринимательского индекса.

Гипотеза 1. Страны, которые заботятся о сохранении и повышении уровня инноваций и технологий как составляющей части ВВП, а также о создании благоприятных условий для предпринимательства и предпринимательской экосистемы, являющейся важнейшим двигателем экономического роста и генерации инноваций, демонстрируют развитие цифровизации экономики и экономический рост ВВП в целом.

Для подтверждения гипотезы 1 проанализируем в динамике (2015—2019 гг.) наличие корреляции между позициями Китая и России в рейтингах ГИИ, ГИП и показателем роста ВВП (%), а также местом стран в РГЦП как наиболее релевантном источнике оценки цифровизации экономик страны (см. таблицу).

Согласно макроэкономической модели Солоу [30], по мере увеличения капитала, роста ВВП и действия закона убывающей отдачи инвестиции в производство начинают приносить еще меньший прирост произво-

дительности. Передовые страны вынуждены инвестировать в технологический прогресс, обеспечивающий 2—3 % экономического роста. Из чего также можно легко сделать вывод, что развивающиеся страны, несмотря на их иногда впечатляющие темпы роста, никогда не догонят развитые страны с точки зрения производства, если они не научатся производить собственные инновации (или очень эффективно заимствовать их у других стран, что требует открытых границ и активных международных отношений) [11]. Учитывая тот факт, что большинство национальных статистических агентств не принимают во внимание остаток Солоу, проанализируем положение России и Китая в динамике в ГИИ, который предоставляет информацию о том, насколько страны сосредоточены на достижении технического прогресса [32—34].

Россия демонстрирует относительную стабильность в рейтинге ГИИ. Согласно профилю страны [34], самая сильная группа показателей России — «Человеческий капитал и исследования», критическими показателями которой являются «Соотношение учеников и учителей», «Количество зачисленных в средние и высшие учебные заведения, %» и «Количество выпускников в области науки и техники, %». Кроме того, Россия — 6-я мировая экономика по масштабу внутреннего рынка, 7-я по количеству женщин с ученым степенью, 8-е место по полезным моделям по стране происхождения. В то же время у России есть ряд слабых показателей, препятствующих стабильному росту экономики. Страна занимает низкие позиции (рейтинг ниже 90) по таким показателям, как «Верховенство за-

Соотношение показателей инновационного (ГИИ) и предпринимательского (ГИП) индексов России и Китая с их позициями в рейтинге РГЦК и уровнем роста ВВП [19—23; 28; 33—36]

Год	Россия				Китай			
	ГИИ	ГИП	РГЦК	Рост ВВП, %	ГИИ	ГИП	РГЦК	Рост ВВП, %
2015	48 из 141	70 из 130	41 из 61	-2	29 из 141	61 из 130	33 из 61	6,9
2016	43 из 128	68 из 132	40 из 61	0,3	25 из 128	60 из 132	35 из 61	6,8
2017	45 из 127	72 из 137	42 из 63	1,8	22 из 127	48 из 137	31 из 63	6,9
2018	46 из 126	78 из 137	40 из 63	2,5	17 из 126	43 из 137	30 из 63	6,7
2019	46 из 129	80 из 137	38 из 63	1,3	14 из 129	34 из 137	22 из 63	6,1

кона», «Качество регулирования», «ВВП на единицу использования энергии», «Экологические сертификаты ISO 14001», «Сертификаты качества ISO 9001» и «ИКТ и создание бизнес-моделей».

Китай демонстрирует усиление лидирующих позиций на мировом рынке товаров. Согласно профилю страны [34], Китай входит в пятерку ведущих экономик по группе показателей «Накопленные знания и технологии», занимая 1-е место по таким показателям, как «Патенты по стране происхождения», «Полезные модели по стране происхождения», «Темпы роста ППС в долларах ВВП на одного работника» и «Чистый экспорт высокотехнологичных товаров от общего объема торговли». Страна также является экономикой номер 1 по таким показателям, как «Масштаб внутреннего рынка», «Фирмы, обеспечивающие обучение», «Товарные знаки по происхождению», «Промышленные образцы по происхождению» и «Экспорт товаров творческого назначения от общего объема торговли». В то же время в Китае есть несколько показателей, сдерживающих рост инноваций, а именно «Валовые внутренние расходы на НИОКР, финансируемые из-за рубежа», «Чистый приток ПИИ от ВВП».

Таким образом, модель Солоу, подкрепленная количественными данными ГИИ по двум анализируемым странам, позволяет подтвердить гипотезу 1. Правительство Китая стимулирует технический прогресс, что обеспечивает вхождение страны в число сильнейших развивающихся экономик, имеющих средний рост реального ВВП на 8,5 % с 2010 по 2019 г. (тем не менее есть тенденция к снижению) и 6,1 % в 2019 г. [28]. Средний рост реального ВВП России составляет 2,2 % с 2010 по 2019 г. и 1,3 % в 2019 г. [28], что также подтверждает гипотезу, но кейс России является примером, когда недостаточная со- средоточенность на развитии инновационного потенциала и инфраструктуры приводит к едва ощутимому экономическому росту. Основная причина, по которой Россия не входит в число ведущих развивающихся стран, — дефицит инноваций, а именно:

– низкая диверсификация экономики и преимущественная поддержка крупного бизнеса, что приводит к росту за счет концентрации производства, а не за счет конкуренции между множеством мелких производителей;

– пережитки административно-плановой экономики, не создающей стимулов для внедрения новых технологий, несущих риски невыполнения плана;

– слабо развитая правовая система, не способствующая появлению длинных производственных цепочек из-за больших временных предпочтений и низкой нормы сбережений [11].

Модель Ромера — более поздняя модель экономического роста, обусловленного внутренним технологическим ростом, возникающим в результате разработки новых промежуточных продуктов [29]. Согласно модели, чем больше государство поддерживает предпринимателей, создающих ноу-хау и новые технологии, тем выше общий технический прогресс.

Исследуем индекс, который бы учитывал вовлеченность правительств стран в развитие предпринимательства. ГИП ежегодно изменяет состояние предпринимательских экосистем в каждой из 137 стран [19—23]. Позиция России и Китая обозначена в таблице.

На 2019 г. Китай демонстрирует стабильное улучшение своих позиций в рейтинге в течение анализируемого периода. Его сильными сторонами являются «Инновации продуктов» и «Капитализация рисков», а самой слабой — «Восприятие возможностей». «Предпринимательские качества людей в экосистеме» оцениваются в 63 %, «Качество институтов, поддерживающих предпринимательство» — 59 %.

Россия же, напротив, заметно отстает от Китая и теряет свои позиции в рейтинге. Её сильнейшей стороной является «Человеческий капитал», а самой слабой — «Интернационализация». «Предпринимательские качества людей в экосистеме» оцениваются в 45 %, «Качество институтов, поддерживающих предпринимательство» — 52 %.

Из сказанного следует, что гипотеза 1 подтверждается. Кейс Китая показателен и подкрепляет логику гипотезы, что при создании благоприятных условий для предпринимательства и предпринимательской экосистемы цифровизация экономики, особенно бизнеса, ускоряется. Правительство и предприниматели России ведут активную деятельность в направлении гармонизации предпринимательского климата в стране, но по-прежнему существует ряд проблем, включая отсутствие программ поддержки МСП, способного к интернационализации своего бизнеса.

Согласно рейтингу РГЦК, Россия показывает небольшое улучшение своего положения [35; 36]. Самым существенным фактором России является показатель «Знания» (22-е место), а сильнейшими субфакторами — «Обучение и образование» (9-е место) и «Научная концентрация» (18-е место) [36]. В 2019 г. показатель «Знания» у Китая был самым сильным фактором (18-е место), а гибкость бизнеса (1-е место) и научная концентрация (9-е место) — самыми сильными субфакторами. Общая конкурентоспособность Китая демонстрирует восходящую тенденцию с 2016 по 2019 г., поднявшись с 35-го на 14-е место [36].

В целом случай Китая подтверждает взаимосвязь между фокусированием правительства на производстве инноваций, стимулировании предпринимательства и развитием цифровизации. Российская Федерация на законодательном уровне работает в направлении развития инноваций, предпринимательства и цифровизации (национальный проект «Наука», национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технического развития Российской Федерации» [13]). Однако принятие национальных целей и стратегических задач развития РФ не реализуется на практике, как это описано в документах. Основные препятствия, стоящие перед Россией, описаны ранее при перечислении причин недостатка

инновационной составляющей в ВВП страны. Глобальный институт *McKinsey* прогнозирует увеличение ВВП страны к 2025 г. на 4,1—8,9 трлн р. посредством цифровизации экономики России, а именно автоматизации существующих процессов с внедрением принципиально новых бизнес-моделей и технологий [1]. Применительно к цифровизации как фактору стимулирования экономического роста можно согласиться с данным прогнозом, однако важность традиционных факторов, применимых к индустриальной экономике (например, инвестиции, чистый экспорт, повышение качества используемых ресурсов и др.), по-прежнему неоспорима.

2. Взаимосвязь между государственным регулированием цифрового бизнеса и уровнем цифровизации экономики

В рамках текущего исследования была также определена задача проанализировать, существует ли взаимосвязь между программными инициативами и регуляторными мерами правительства России и Китая в сфере управления Интернетом и контроля ТНК ИКТ и цифровых ТНК и их позицией в рейтинге РГЦК.

Гипотеза 2. Государственное регулирование, в частности, протекционизм цифрового бизнеса и его субъектов способствует росту цифровизации экономики страны.

Прежде чем перейти к краткому обзору мер государственного регулирования цифрового бизнеса в анализируемых странах, целесообразно очертить рамки объекта анализа, т. е. какие компании являются субъектами цифровой экономики. ЮНКТАД выделяет две группы транснациональных компаний (ТНК) цифровой экономики: а) цифровые ТНК (англ. ‘*digital MNEs*’) — интернет-платформы, компании цифровых решений, интернет-магазины, компании цифрового контента; б) ТНК информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (англ. ‘*ICT firms*’) — ИТ-компании и телекоммуникационные компании [39, с. 165].

Хотя период, в течение которого была осуществлена попытка подтверждения или

опровержения взаимосвязи между позицией анализируемых экономик в рейтинге РГЦК и государственным регулированием цифрового бизнеса, составляет 5 лет, было решено осуществить более развернутый обзор политики государств, направленной на регулирование сети Интернет и цифрового бизнеса с их первых инициатив. При изучении регуляторной политики были выявлены основные особенности технологической и экономической среды в России:

- развитая технологическая инфраструктура (высокий уровень интернет-покрытия, значительное количество интернет-пользователей, преобладание безналичных платежей);

- неравномерное использование платформенной модели и цифровых технологий в секторах экономики (акселерация роста платформ, специализирующихся на онлайн-коммерции и их дефицит в сфере архитектуры, строительства и сельского хозяйства) [7];

- умеренный протекционизм рунета и цифровой среды, исключающий монополию отечественных компаний в цифровой сфере;

- низкий уровень internaцionalizации российских цифровых ТНК и ТНК ИКТ [7].

Выделим программные инициативы и регуляторные меры правительства России в сфере управления Интернетом и контроля ТНК ИКТ и цифровых ТНК:

2010 г. — утверждение государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 гг.)» Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р [17];

2017 г. — Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» [15]; создание автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика» с 9 направлениями компетенций, одна из которых — рабочая группа «Нормативное регулирование» совместно с Центром компетенций по нормативному регулированию [12];

2018 г. — утверждение национальной программы «Цифровая экономика Российской

Федерации» протоколом заседания Президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [16];

2019 г. — запуск федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» в рамках новой национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной 28 мая 2019 г. [12]; вступление в силу федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных площадок...» [14]; вступление в силу Закона о суверенном Интернете (1 ноября 2019 г.) [8]; принятие закона о предустановке российского программного обеспечения на мобильные устройства, компьютеры и смарт-телефоны в рамках Федерального закона «О внесении изменений в статью 4 Закона о защите прав потребителей» №425-ФЗ от 2 декабря 2019 г. [4];

2020 г. — предложение Правительства России о создании оператора трансграничной электронной торговли для Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который будет контролировать соответствие иностранных товаров техническим регламентам, а также строить таможенные склады на территории ЕАЭС для реализации модели B2B2C [6]; Пятый антимонопольный пакет Федеральной антимонопольной службы (ФАС), уже сточащий требования к интернет-сервисам за антимонопольные нарушения (вынесен на рассмотрение Правительства РФ в январе 2020 г., но до сих пор не одобрен) [5].

Говоря о Китае, отметим, что особенности технологической и экономической среды рынка во многом обусловлены господствующей экономической системой, а именно социализмом с китайской спецификой. Так, рынок Китая специфичен и характеризуется:

- большой долей государства в управлении крупным бизнесом и контролем китайских и зарубежных ТНК, а также *Chinanet*;

- гибким частным сектором в сфере технологий, генерирующими прогресс, ощущаемый далеко за пределами страны, и самой динамичной средой для стартапов в мире,

мощной системой финансовой помощи со стороны государства и распространения инкубаторов, поддерживаемых правительством Китая;

– тесным сотрудничеством государственных предприятий с крупнейшими цифровыми компаниями для модернизации неповоротливых государственных ТНК в промышленном, оборонном секторах;

– многоуровневым регулированием цифрового бизнеса (на уровне провинции, региональном и национальном уровнях) [9].

Логично предположить, что более раннее появление регуляторных мер и программных инициатив в Китае вызвано экономической системой и присущим тотальным контролем всех сфер экономики со стороны правительства.

Программные инициативы и регуляторные меры правительства Китая в сфере управления Интернетом и контроля ТНК ИКТ и цифровых ТНК:

2000 г. — создание структуры по управлению Интернетом — единого государственного диспетчерского центра на базе Министерства общественной безопасности КНР (МОБ) [40; 10];

2003 г. — политика, или фаервол «*China's Great Firewall*» (CGF), направленная на блокировку зарубежных сайтов и замедление межграницного трафика [40];

2011 г. — утверждение проекта «*Golden Shield Project*» (крупнейшей системы цензуры интернет-содержания на магистральных сетях передачи данных; подготовка проекта запущена в 1998 г.); введение сквозной идентификации пользователей, или аутентификации по паспорту [10];

2015 г. — Стратегия «Интернет +»; Государственный план «Сделано в Китае 2025»; «Национальная стратегия развития информатизации» [37];

2016 г. — решение национального собрания Коммунистической партии КНР о наделении Коммунистической партии КНР более широкой ролью в правлении ТНК [26; 40];

2017 г. — решение Комитета по контролю и управлению государственным имуществом

о введении требования к ТНК включить Коммунистическую партию КНР в их устав; решение Коммунистической партии КНР (19-й съезд Коммунистической партии КНР) о закреплении полномочий партийного комитета играть руководящую роль в принятии решений на государственных предприятиях в Уставе партии [26; 25];

2018 г. — введение требования к зарегистрированным на бирже фирмам внутри страны и за рубежом включить в свои внутренние руководящие принципы расширяющуюся роль Коммунистической партии КНР в рамках Нового кодекса корпоративного управления [25];

2019 г. — принятие Руководства по развитию платформенной экономики с решением: а) увеличить объём продаж на товарно-сырьевых рынках до 100 млрд юаней (около 14,5 млрд дол. США) к 2020 г.; б) сократить бюрократию при регистрации платформенных компаний, улучшить условия доступа к рынку и сократить расходы по обеспечению норм, применяемых по отношению к платформенным компаниям [24].

Гипотеза 2 применима к обеим экономикам, в первую очередь к экономике Китая, правительство которого занимается изучением информационной безопасности, в частности, защиты национальной сети Интернет и запускает стратегии и проекты со взвешенным планированием, обоснованными, четко сформулированными целями и стратегиями страны, согласованными с национальными интересами. Кейс России отличается от Китая тем, что Россия отстаёт в реализации реальных эффективных национальных программ, способствующих усилинию цифровизации производства и бизнеса, а также по выгодному положению и конкурентному росту цифровых ТНК и ТНК ИКТ в стране, особенно за рубежом. Яркий пример — корректировка основной национальной программы «Цифровая экономика РФ» на 2019 г., первоначально утвержденной 28 июля 2017 г. Уже сейчас показатели, цели и задачи программы претерпевают изменения ввиду сложного российского законодательства и отсутствия регулирования

ния, особенно в отношении использования «больших данных», наряду с разработкой и внедрением отечественных программных средств для ускорения цифровой трансформации отраслей в реальной экономике, которую можно было запланировать гораздо раньше [12]. Основные проблемы России в данной сфере заключаются в отсутствии стратегического видения и гибкости законодательства, а также в отсутствии неформального венчурного капитала и низком уровне позитивного предпринимательского отношения среди граждан от 18 до 34 лет. Экономика страны чрезмерно зависит от нефти и срочно нуждается в диверсификации [31].

3. Факторы акселерации цифровизации экономики

На примере России и Китая видно, что цифровизация действительно может послужить драйвером экономического роста. Очевидно, что индустриальная экономика неминуемо будет нуждаться в трансформации, в первую очередь цифровой. В рамках работы было целесообразно выделить факторы, способствующие акселерации цифровизации экономики.

Таким образом, было выделено три фактора, ускоряющих цифровую трансформацию национальной экономики:

1) человеческий капитал (наличие цифровых навыков у кадров государственного управления, всех субъектов национального, регионального и муниципального хозяйства, топ-менеджеров и руководителей среднего звена, предпринимателей (МСП));

2) технологические ресурсы и инфраструктура (масштабы интернет-покрытия в стране, работа НИИ и университетов, обеспечивающих подготовку кадров цифровой экономики, создающих и использующих ИКТ, работа бизнес-инкубаторов, стартап лабораторий и пространств для коворкинга, стимулирующих и поддерживающих предпринимательскую деятельность, а также повышающих цифровую грамотность населения страны);

3) заинтересованность руководства страны в цифровизации экономики, т. е. опреде-

ление цифровизации экономики как одного из национальных интересов страны, находящее отражение в национальных стратегиях и программных инициативах с конкретными целями и планом, и регуляторной политике, обеспечивающей выгодное положение отечественных цифровых ТНК и ТНК ИКТ на национальном рынке, а также их успешную интернационализацию.

Поскольку в рейтингах ГИИ, ГИП и РГЦК есть лидирующие страны (США, Сингапур, Швеция, Дания, Швейцария и др.), возможно в дальнейшем произвести применимость гипотез к их экономикам, а также изучить регуляторную политику правительства по отношению к Интернету и цифровому бизнесу. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что в последующих исследованиях необходимо будет анализировать данные до начала 2020 г., который будет демонстрировать падение позиций многих стран не только в рейтингах, но и по показателю экономического роста ввиду пандемии COVID-19.

Рейтинг РГЦК демонстрирует стремительный рост позиции Китая и постепенное, стабильное усиление позиции России, несмотря на падение экономического роста обеих стран. Если кейс Китая показателен и подкрепляет логику гипотезы 1, что при инвестировании в инновации, ведущим к техническому прогрессу, а также создании благоприятных условий для предпринимательства и предпринимательской экосистемы, цифровизация экономики, особенно бизнеса, ускоряется, то кейс России в сравнении с Китаем является примером неудачной практики.

Гипотеза 2 подтверждена применительно к России и Китаю, однако есть некоторые оговорки. Китайская модель регулирования деятельности цифровых ТНК и ТНК ИКТ основывается на создании жестких рамочных условий и непосредственном участии государства в бизнес-процессах, что задает новый вектор в разработке стандартов регуляторной политики в области цифрового бизнеса и *Chinanet* в целом. Россия, в свою очередь, отличается от Китая национальной направленностью деятельности цифровых

компаний и их слишком слабыми позициями на мировых рынках. Правительство России пытается отслеживать новые бизнес-модели и вводить регуляторные меры для бизнеса и рунета. Что касается национальной программы цифровизации экономики РФ, то она не показывает существенных результатов, но правительство уже пытается предпринять меры, чтобы оправдать ожидания государственных учреждений, бизнеса и граждан до её выполнения.

Факторами акселерации цифровой экономики являются человеческий капитал, технологические ресурсы и инфраструктура, а также немаловажно позиционирование цифровизации экономики как одного из национальных интересов страны.

Библиографический список

1. Аптекман А., Калабин В., Клинцов В., Кузнецова Е., Кулагин В., Ясеновец И. Цифровая Россия: новая реальность. М., 2017.
2. Бабанов В.В. Факторы и проблемы развития цифровой экономики в России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2017. № 4—1. С. 255—261.
3. Бухт Р., Хикс Р. Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 2. С. 143—172.
4. В России отложили вступление в силу закона о предустановке отечественного софта на гаджеты. URL: https://www.znak.com/2020-03-31/v_rossii_otlozhili_vstuplenie_v_silu_zakona_o_predustanovke_otechestvennogo_softa_na_gadzhety.
5. Галиева Д., Сапожков О. Конкуренцию возвращают на рынки. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4260914>.
6. ЕАЭС обсуждает создание института оператора трансграничной интернет-торговли. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2020-07-16-2.aspx>.
7. Еферин Я.Ю., Рессомто К.М., Хохлов Ю.Е. Цифровые платформы в России: конкуренция между национальными и зарубежными многосторонними платформами стимулирует экономический рост и инновации // Информационное общество. 2019. 1—2. С. 16—34.
8. Закон о «суверенном интернете». URL: <https://clck.ru/PPwMZ>.
9. Исраилова Э. А., Баланова М.М. О роли государства в регулировании деятельности платформенных компаний на примере КНР // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2020. № 2 (70). С. 191—198.
10. Как работает Интернет в Китае. URL: <https://vc.ru/flood/40314-kak-rabotaet-internet-v-kitae>.
11. Модель Солоу и проблема (не)развивающихся стран. URL: <https://sc2tv.ru/blogs/ved/2018/06/24/model-solou-i-problema-ne-razviva-yushikhsya-stran>.
12. Национальная программа Цифровая экономика Российской Федерации. URL: <https://clck.ru/Pdh5F>.
13. Национальные проекты. URL: <http://government.ru/classifier/section/2641/>.
14. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 г. № 259-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44616>.
15. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>.
16. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf.
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р г. Москва «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)». URL: <https://rg.ru/2010/11/16/infobschestvo-site-dok.html>.
18. Цифровая экономика: ключевые факторы экономического роста в посткризисный период. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrova-ekonomika-klucevye-faktory-ekonomiceskogo-rosta-v-postkrizisnyj-period-26601>.
19. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2015. Washington, 2016.
20. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2016. Washington, 2017.
21. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2017. Washington, 2018.

22. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2018. Washington, 2019.
23. Acs Z., Szerb L., Autio E. Global Entrepreneurship Index 2019. Washington, 2020.
24. China to nurture platform economy growth. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-08/08/c_138294407.htm.
25. How the state runs business in China. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jul/25/china-business-xi-jinping-communist-party-state-private-enterprise-huawei>.
26. Leutert W. Firm Control: Governing the State-owned Economy Under Xi Jinping // China Perspectives. 2018. № 1—2. P. 27—33.
27. OECD. A Roadmap Toward A Common Framework For Measuring The Digital Economy. URL: <http://www.oecd.org/sti/roadmap-to-ward-a-common-framework-for-measuring-the-digital-economy.pdf#page105>.
28. Real GDP growth. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/ngdp_rpch@weo/oemdc/advec/weoworld.
29. Romer P. Endogenous technological change // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98, № 5. P. 71—102.
30. Solow R. Technical change and the aggregate production function // Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39, № 3. P. 312—320.
31. Telefónica Index on Digital Life Report 2016. Geneva, 2012.
32. The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World. Ithaca; Fontainebleau; Geneva, 2017.
33. The Global Innovation Index 2018: Innovation Feeding the World. Ithaca; Fontainebleau; Geneva, 2018.
34. The Global Innovation Index 2019: Innovation Feeding the World. Ithaca; Fontainebleau; Geneva, 2019.
35. The IMD World Digital Competitiveness Ranking 2017. Lausanne, 2017.
36. The IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019. Lausanne, 2019.
37. The rise of China's tech sector: The making of an internet empire. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/rise-china-s-tech-sector-making-internet-empire>.
38. Transforming Business Models in the Platform Economy. URL: <https://www.dotmagazine.online/issues/going-digital/industry-4-0-paving-the-way/business-models-in-the-platform-economy>.
39. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. New York; Geneva, 2017.
40. Wu X., Gereffi G. Amazon and Alibaba: Internet Governance, Business Models, and Internationalization Strategies // International Business in the Information and Digital Age (Progress in International Business Research). 2018. Vol. 13. P. 327—356.